



# АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ ОДИССЕЙ

№25 1997

1  
О - ди - ссей,  
красномордый и коротконогий  
хмырь,  
за Ахерон плюхнулся:  
боги,  
ох, хитрей!

"Кто таков?..."  
Так узнают ли судьи  
след  
(который Улисс не забудет!)  
на бедре  
(от кабаньих клыков)

в темноте  
тополей... или ветел?..  
"Что здесь?... шрам?..."  
(На парнасской охоте  
раз, у деда в гостях,  
залетел)

"Тень, ты кто?"  
Не узнали Улисса!  
Голова-то бедовая  
лыса...  
"Ну, кто-кто... Так, один...  
А Никто!

Лаэртид!  
Подыхая на рифах,  
ты, наверно, припомнил Сизифа,  
посрамившего смерть и Аид.

Эх, Улисс!  
Все в роду дураками  
вроде не были...  
Поднятый камень,  
правда, падает  
вниз.

2  
Он в понимании выгод своих  
выдавался меж всеми  
Гомер. "Одиссея".

- Я не дурак,  
хотя и рыжий.  
Я жил не так?  
Так я же выжил!

Огонь, вода  
и пасть Эреба...  
Вас бы туда!  
Я посмотрел бы.

Добра и зла  
прогнила дратва.  
А жизнь была!  
И это - правда.

("Шрам - срам! - закрой!")  
Но мать в Аиде  
баранью кровь  
пила - я видел!

(Двойной топор  
мерцает в нише.)  
И страшный хор  
сирен - я слышал!

Свищет, звенит  
(стрела ли? лира?)  
в ушах (Коцит?..).  
Темно и сыро.

Явь то ли? то  
ли сновиденья?..  
"Ты кто?" - Никто.  
Я - способ пенья.

3  
- Кто бы я ни был и где бы  
ни был, - до мозга костей  
въелись крылатые девы:

"Остановись, Одиссей!

ближе ближе  
ближе ложе  
ражий рыжий  
красно- рожий  
маки маки  
щеки щеки  
мягкий мягкий  
круто- бокий  
круто- бедрый  
круто- бровый  
ведра ведра  
ведра крови  
жира жира  
сала сала  
живо живо  
рас- терзала

жилы жизни  
тресни трахни  
брызны брызны  
красный красный  
белый белый  
алый алый  
кары Керы  
разо- рвала

хлюпай хлюпай  
костный костный  
глупый глупый  
косный косный  
клянчил кончил  
птички птички  
кльоньте в очи  
и яички  
сила сила  
фала фала

рас- кусила  
раз- ломала  
раз- дробила  
рас- колола  
раз- двоила  
рас- порола

суть соитья  
и зачатья  
буду пить я  
буду жрать я  
буду дуть я  
буду есть я

пере- путья  
пере- крестья

буду рвать я  
буду рыть я

пере- катья  
пере- крытья

ближе ближе  
рыжий ражий  
ражий рыжий  
на же на же  
на же на же  
ну же ну же  
на же на же

хуже  
будет, быдло,  
хитрожопый! -  
ведь обрыдло  
с Пенелопой..."

4  
Жить ни один человек  
нечестивою жизнью не должен  
Гомер. "Одиссея".

- Глотки луженые - сила  
хора: си - ре - ны!

Тихо, тихонько скулила  
шестиголовая Скилла  
в ключьях сверкающей пены.

Перед отплытием в Троию  
Аргус - щеночек! -

так надрывался порою:  
скрытый широкой полою  
жалкий комочек...

Тварей свирепых и сирых  
вопли - без риска  
переносил до могилы.  
Только скуления Скиллы...  
этого писка...

5  
Кровь отмыли рабыни. Рабынь  
на задворках повесили: стервы!

Сядь, Улисс. Серы в пламя подкинь.  
Серный дым ест глаза? или нервы  
подвели? Пенелопа-то вниз  
не торопится... Вот она! Села -  
и ни слова...

Так кто ты, Улисс?  
Ты - никто. И скитаньям предела  
нет. Возьми-ка на плечи весло  
(обретение стало утратой!)  
и туда, где не знали про соль,  
а весло называли лопатой,  
отправляйся: в пыли Посейдон  
ждет тебя, как пророчил Тиресий...

И еще десять лет обречен  
хитроумный Улисс куролесить  
на чужбине: жениться - на ком? -  
ком-то там, воевать, суетиться...  
И в конце быть убитым сыном  
на морском берегу: сын отцом  
станет первому сыну, потом  
первый станет второму отцом  
наконец. Наяву?.. или снится?..

Не гадай, Одиссей! Не считай,  
сколько было детей, кроме Пана,  
кто зачат Пенелопой от ста  
двадцати женихов, от хлыста,  
от Гермеса, от черта ("Отстань!")...

Что осталось от четкого плана?

6  
Я - Одиссей Лаэртид.  
Измышленьями хитрыми славен  
Я между всеми людьми.  
До небес моя слава доходит.  
Гомер. "Одиссея".

Вот и выколото око  
у киклопа Полифема:  
раскаленная! - глубоко  
опустилась апофема.

Как мучительны начала  
геометрии Эвклида:  
из глазницы жердь торчала,  
доставая до Аида...

"Ой-ей-ей! ты кто?" - "Никто я!"  
- Я - никто! - раскаты эха.  
Приступами (пала Троя!)  
гомерического смеха  
взята плотская пещера.

И Улисса - Полифема  
повела по кругу Кера  
коридорами Эдема,  
лабиринтами Аида...  
островами без заботы...  
Никого никто не видит  
и не спрашивает "кто ты?".

7  
Вдруг узнала рубец,  
кабаном нанесенный когда-то.  
Гомер. "Одиссея"

- В деревянной утробе коня,  
как в гробу, в деревянной кобыле  
смерть и Керы родили меня,  
только старое имя забыли  
отобрать. "Одиссей... Отзовись,  
Одиссей!" - призывала Елена  
и стучала. Молчал я, Улисс,  
и другим запретил прыгать вниз:  
мы - младенцы, во тьме - перемена.

Пусть троянки, гирляндой цветов  
украшая кобылу, кружат на  
воле, - новорожденный готов  
взаперти удобрюхать богов  
этой ночью и - тысячекратно!

1992